

Станислав Смирнов, обладатель престижной математической премии: «К Сколково я отношусь скептически»

В этом году самую престижную в мире математическую премию - медаль Филдса - получил 40-летний петербуржец Станислав Смирнов. Он, как и русские учёные, получившие недавно Нобелевскую премию, живёт и работает за границей. Но эмигрантом себя не считает - утверждает, что наука интернациональна. Наука с чистого... поля «АиФ»: - 18 лет вы живёте и работаете за рубежом. Если бы остались здесь, достигли бы таких результатов? Станислав Смирнов : - Наверное, удалось бы что-то другое. Я многому научился в Петербурге у Виктора Петровича Хавина, потом в Америке у моего руководителя Николая Георгиевича Макарова, стажировался в Швеции - всё это, видимо, сыграло свою роль. Если говорить об условиях работы - зарплате, оборудовании, да просто уважении и интересе со стороны правительства, на Западе они гораздо лучше. Везде, где я работал - в Америке, Швеции, Швейцарии, - развита система грантов для поддержки научных исследований. Если у вас есть интересный проект, можно без особого напряжения получить деньги для приобретения необходимой аппаратуры и на зарплату сотрудникам. В России тоже распространены гранты, но в гораздо меньшем объёме. В последние два года финансирование Российского фонда фундаментальных исследований, например, сильно урезали. А в Америке - увеличивали, ведь наука помогает выйти из кризиса. Текущее финансирование университетов и институтов в России тоже недостаточное. Да что там, у большинства профессоров петербургского матмеха нет даже своих кабинетов... «АиФ»: - Сегодня многие не видят разницы, где сделано открытие, в США или России. При современных технологиях пользоваться достижениями могут все. С. С.: - Согласен. Сейчас в одиночку никто не работает, всё переплетено, а результат по Интернету узнаётся за десять минут. России давно пора интегрироваться в мировую науку, мы должны быть полноправными участниками прогресса. Важен даже не сам прорыв, а то, что люди, которые его совершили, могут дальше развивать эту тему и правильно применять полученные знания. «АиФ»: - Российские власти делают ставку на Сколково. Вас ещё не приглашали? С. С.: - Нет. Хочется надеяться на лучшее, но я немного скептически отношусь к этому проекту. Свою Кремниевую долину пытались создать многие страны, но ничего интересного, самобытного пока не получилось. Нужно думать об эффективности. Необязательно начинать с нуля, как в Сколково. Если вложить хотя бы часть этих средств в фундаментальные факультеты Петербургского и Московского государственных университетов, отдача может быть гораздо больше. В Сколково будут созданы исключительные налоговые льготы для инновационных проектов. Но почему их нельзя ввести по всей стране? Задача на миллион «АиФ»: - И всё же, что конкретно нужно сделать, чтобы вы и сотни других учёных вернулись? С. С.: - Никогда себя эмигрантом не воспринимал - я просто работаю за рубежом. Много времени провожу в Петербурге, регулярно читаю здесь лекции. Наука интернациональна. Кстати, первые три математика в России были швейцарцами - братья Бернулли и Леонард Эйлер. Их пригласил Пётр I. Если же говорить о возвращении, должна быть разумная зарплата и приемлемые условия работы. Без этого многих вернуть не удастся. Сейчас очень важно заботиться о молодёжи, создавать для неё хорошие условия. И не допустить обособления нашей науки, интегрировать её в международную - приглашать и наших, и иностранных специалистов, устраивать конференции. «АиФ»: - Ваш дом находится в Швейцарии, но в этом году дочку вы отдали учиться в гимназию на Васильевском острове, а сына - в обычный детский сад. Западные не устраивают? С. С.: - Мы очень довольны школой, садом и в Петербурге, и в Женеве. Видимо, нам повезло - повсюду в мире говорят, что уровень обучения падает. Может, частично дело в том, что изменилось само общество - люди меньше читают, зато в изобилии телевизоры, компьютеры. Сегодня дети быстрее соображают, но хуже усваивают материал. «АиФ»: - Считается, что российская школа даёт много лишнего. С. С.: - Школьная программа должна быть широкой. Сейчас многие государства перепиывают школьные программы. В одной европейской стране сократили математику в пользу физкультуры. Логика такая: не умеешь плавать - утонешь, а не решил уравнение - ничего страшного. Однако без математического образования не будет сильных биологов, химиков, финансистов. Если самолёт доверить конструктору, который не знает математику, машина может разбиться. «АиФ»: - Вы и ещё тысячи востребованных специалистов получили образование в России. Кажется, такую базу следует сохранять для наших детей. Но мы её ломаем под спорный Болонский процесс. С. С.: - Решение принимали не педагоги, а политики. В Европе от этой системы тоже не в восторге. Англия и Америка, которых мы копируем, в Болонском соглашении как раз не участвуют. Но решение уже принято, и надо взять лучшее от дополнительного года обучения: добавить ещё один язык или новые научные дисциплины. Кроме того, схема бакалавр - магистр более гибкая, она даёт возможность учиться четыре или шесть лет в зависимости от планов на будущее. «АиФ»: - Ваш коллега Григорий Перельман решил одну из «задач тысячелетия» института Клэя стоимостью в миллион долларов. Но остался ещё целый список задач-«миллионников». Нет желания попробовать? С. С.: - Давать миллион в математике, самой «чистой», точной науке, - в этом есть что-то неправильное. Здесь, как и в искусстве, успех должен определяться не денежным вознаграждением. Я спрашивал самого Клэя, зачем миллион, - и он ответил, что иначе сложно привлечь к науке внимание широкой публики. Это отличные задачи, но из-за миллиона

они не стали интересовать меня больше. Для самих математиков сейчас очень интересное время - надеюсь, оно будет продолжаться.